УДК 101.2; 130.2; 211

НАДО ЛИ УЧИТЬ КРЕАЦИОНИЗМУ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЗАПАДНОМ ОПЫТЕ. Часть первая

Шрейбер Виктор Константинович,
Челябинский государственный университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: shreiber@csu.ru

Аннотация
Последнее время слышатся осторожные предложения ввести в школьные программы изучение идей книги Бытия с тем, чтобы учить критическому мышлению. Попытку оценить данное предложение автор начинает с уточнения смысловых отношений между «знанием», «убеждением» и «верой». Затем он дает обзор логических отношений между «верой» и «знанием» и показывает, что все они имеют реальные концептуальные эквиваленты в культуре. Это обстоятельство и подъем религиозного фундаментализма в последние десятилетия ставят под сомнение просветительские надежды на отмирание религиозного миросозерцания под влиянием научного и технического прогресса.

Ключевые понятия:
убеждение,
логические отношения веры и знания,
просвещение,
религиозный фундаментализм.

Когда в 1871 вышло «Происхождение человека», одна из британских газет, название которой переводится как «Шершень», откликнулась на событие карикатурой, изображающей автора в виде обезьяны. Основания для обиды у ревнителей ортодоксии были. Базисное значение слова *descent*, которое Дарвин использовал в заголовке своего труда, это *не происхождение, а спуск, снижение*. Основоположник учения об эволюционизме владел слогом, и пафос его труда состоял не в воспевании духовности, но, напротив, в том, чтобы вписать род *homo sapiens* в природу. Эта натуралистическая установка долгое время обеспечивала эволюционизму законное место в структуре российского образования. Сегодня его монополия подвергается осторожным упрекам. (Да, пожалуй, и не только упрекам, если учесть, что в конце 2012-го кафедра богословия была открыта в МИФИ.) Под флагом призывов «учить полемике» и «ликвидации невежества в области религии» идет лоббирование стратегии, которая позволила бы преподавать учение о сотворении мира наряду с дарвинизмом. Означают ли предлагаемые новации в школьных и университетских программах, что преподаватели естественно-научных дисциплин должны учить, что мир (вместе с окаменелостями) возник чудесным образом около 6000 лет назад, а затем предлагать ученикам выбирать между этим представлением и теорией эволюции? С точки зрения этого вопроса ретроспектива западных споров вокруг эволюционизма и креационизма представляется полезной.

Порядок работы будет следующим.

В первом разделе предлагается толкование знания как разновидности убеждения и показ различий между знанием и верой. Во втором и третьем разделах рассмотрим логические отношения между верой и знанием и их исторические эквиваленты. Четвертый раздел посвящен экспликации нынешних дебатов между сторонниками сотворения и «новыми атеистами». В пятом и шестом разделах я на основе структуры мировоззрения попытаюсь развести жизненные ситуации, различающиеся соотношением веры и знания, и указать обстоятельства, которые ставят под вопрос эффективность прокламируемых новаций

1. Интродукция, или Знания, убеждения, вера

По словам Тины Битти, католички, феминистки и яркого критика «новых атеистов», острота конфронтации усугубляется тем, что базисные понятия веры и знания отягощены амбивалентным историческим

наследием и потому являются весьма «скользкими» [2]. Во введении своей книги Битти декларирует свою приверженность к взвешенному анализу ситуации. Поэтому к её замечанию надо отнестись серьезно и начать с прояснения круга идей, связанных со словами «вера» и «знание». А если ещё учесть поддержку, которой сегодня пользуется идущая от Куайна интерпретация знания как *разновидности* убеждения, то станет очевидно, что уточнению подлежат смысловые отношения даже не двух, а трёх концептов, то есть знания, убеждения и веры.

Видов знаний много. Можно знать, как устранить течь водопроводного крана. Я могу знать *этого* человека, могу знать, *что* смешение хлорной извести и аммиака опасно. В первом и втором случаях говорится об умении и знакомстве. В третьем речь идёт о *факте*. При обсуждении отношений между знанием и верой, предметом интереса является *знание фактов*, так называемое *пропозициональное* знание. И если понятие убеждения *приложимо* к знанию, то лишь в его пропозициональной форме.

Иногда считают, что знание и убеждения в принципе исключают друг друга. Корректна ли такая точка зрения? Сравним утверждения «***A*** *убежден*, что ***B*** сам писал диссертацию» и «***A*** *знает*, что ***B*** сам писал диссертацию». Убеждение может оказаться ложным и все-таки остаться убеждением. Но если ***B*** не сам писал работу, то ***A*** ошибается; у него нет знания. Поскольку фактуальный контент утверждений здесь один и тот же, различия можно объяснить лишь тем, что пропозициональное знание есть разновидность убеждения – но какого?

«Убеждение» определяют как ментальное состояние субъекта, которое имеет пропозициональное содержание (т.е. являющееся истинным или ложным) и может функционировать в качестве мотива или обоснования (justification) действия [5, p. 843–845]. Если я, к примеру, полагаю, что собирается дождь, это объясняет, почему я хочу взять зонтик. Но убеждение эпистемически неопределенно. Будучи *уверен*, что зонтик, как обычно, лежит в шкафу, я все-таки должен считаться с возможностью, что там его может и не быть. Однако, заглянув в шкаф и найдя зонт, я приобрел *знание* о том, куда я его положил неделю назад. Замена в последнем предложении слова «знания» «убеждением» была бы знаком языковой некомпетентности. Иначе говоря, отличительными признаками знания являются его объективность и фактуальные подтверждения.

«Вера», «убеждение» и «религиозное убеждение» нередко используются как взаимозаменяемые. И в ряде языков есть только одно слово, которое в одном контексте обозначает «убеждение», а в других – «веру» (сравни голландское *geloof* и немецкое *glaube*). Тем не менее, коннотативная разница между «верой» и «убеждением» существует. Убеждение относится к пропозициональному контенту. Там же, где рассуждают о *вере*, акцент делается на том, что психологи называют установкой, или аттитюдом. Ложность (или истинность) убеждения доказуема, но с верой все иначе. Вторая часть утверждения «я верю, что Иисус жил» может претендовать на эмпирические свидетельства. Утверждение «я верю в божественность Христа» выражает *отношение* к нему. Вера может быть обманутой или неразумной, но она всегда искренняя. Опыт, на котором строится вера, в отличие от интер-субъективных свидетельств обладает личностным статусом.

Оба утверждения предполагают в качестве своего условия признание реальности Иисуса. Но контексты будут различаться. В одном случае речь идет о человеке, который жил и умер около 30 г. н.э. В другом варианте признается воскресение Сына Божьего. И эта идея сопровождается совокупностью допущений о самом боге, его атрибутах, троице, творении, преображении и т.п. Для их содержания специфичны не истинность и не обоснованность, – хотя они, вообще говоря, возможны, – а прагматические следствия, способность влиять на линию поведения субъекта. Вера это способ принятия информации о мире как соответствующей реальному положению дел в силу её личностной, жизненной значимости.

Таким образом, Битти права: отношения между верой и знанием и, соответственно, креационизмом и эволюционным учением – действительно далеки от однозначности. При таком раскладе разумнее всего обратиться за помощью к логикам.

2. Интермеццо, или Логические отношения веры и знания

Логически – в плане понятия – между креационизмом и идеей эволюции возможны три вида отношений: несовместимость, перекрещивание и подчинение. Последнее отношение, в свою оче-

редь, распадается на две разновидности. В одном случае подчиняющей будет идея творения, в другом – понятие эволюции. Каждый вариант имеет очевидные идеологические допущения и импликации. Несовместимость предполагает изначальную обособленность науки и религии, их взаимную независимость. Подчинение связано с идеей иерархического строения духовной сферы. При этом признание религии в качестве подчиняющего начала создает возможность перетолковать отношение творения и эволюции как вырожденный случай перекрещивания.

Перекрещивание фиксирует момент совпадения в установках науки и религиозного сознания. Он может быть большим или меньшим в зависимости от предпочтений. Но именно в этом отношении скрыта возможность радикализации мировоззренческих взглядов. Ибо полное тождество понятий по признакам означает устранение одного из них. Когда анафеме предается наука, открывается перспектива событий вроде «обезьяньего процесса» 1925 года в Теннеси, или теократических структур в духе аятоллы Хомейни и идеологов «Талибана».

Иная версия поглощения связана с надеждой на *онаучивание* культуры. Она представлена ранним позитивизмом и оценками религии в работах раннего Маркса. Попытка её практического воплощения имела место в первые десятилетия советского периода. Опыт, как это сегодня видно, оказался не совсем удачным, поскольку опала на церковь сопровождалась возникновением «большевистского» и «религиозного атеизма». Первый феномен состоял в подстановке коммунистических идеалов на место христианских при сохранении внутреннего каркаса религиозного взгляда на мир. Эта подмена была отмечена в нашей драме 60-х, а в беллетристике ещё в предвоенный период. «Религиозный атеизм» – явление сравнительно недавнее, но более распространенное. Феномен обозначен, кажется, Алисдаром Макинтайром лет сорок назад: французские просветители или Фейербах хорошо знали аргументацию своих оппонентов и могли говорить с ними на одном языке; нынешняя светская интеллигенция, напротив, просто не владеет материалом; отсюда проблема возможности рационального обоснования религиозного убеждения превратилась сегодня в вопрос «есть ли рациональное обоснование в атеизме?»

В итоге у нас получилось пять возможных вариантов логических отношений между учением о творении и эволюционизмом: перекрещивание, или, в языке Аквината, «гармония», независимость, или, по-другому, несовместимость, затем два варианта подчинения и ликвидация одного из учений. Они-то и послужат методологической канвой для последующих размышлений. Попробуем поставить эти варианты в соответствие с реальными историческими персонажами от их возникновения до наших дней.

3. Тема и вариации, или Исторические перипетии двух «истин»

Интерпретация отношений между наукой и религией как перекрещивающихся опирается на традицию со времен аль-Кинди. В Европе её артикулировал Фома Аквинский, представив писания святых отцов и зачатки опытного естествознания как две части единого процесса постижения космического целого. И хотя в ту пору большинство католических кардиналов твердо стояли на позициях Августина, т.е. безусловного приоритета веры, принцип гармонии «истин» веры и «истин разума» оказался перспективным и позднее был принят Ватиканом.

Идея несовместимости науки и религии – пожалуй, древнейшая, и её истоки восходят к знаменитому изречению *credo, qua absurdum est*. Тертуллиан, которому приписывается авторство этого афоризма, рассудил очень даже здраво: какой смысл обращаться к вере, если некое значимое для нас событие может быть объяснено и – главное – принято посредством одного разума. Тертуллиан таким образом стремился защитить нарождающееся христианство. Через тысячелетие Оккам использовал учение о двух истинах для обоснования независимости науки и философии от религиозного мировоззрения. Иными словами: ценностный или прагматический аспект этой идейной позиции зависел от исторического контекста.

Новый импульс она получает в семнадцатом веке благодаря Галилею. Телескоп с 32-кратным увеличением показал фазы спутников Юпитера, аналогичные изменениям видимого диска Луны, и тем самым способствовал смещению «хрустальных сфер» в область преданий. Католическая церковь, которая ставила человека и его планету в центр мира и уже ощутила опасность со стороны протестантизма, отреагировала на

заключения Галилея, как бык на плащ тореадора. Правда, надо признать, что основания были не только идеологические.

После того как суждения профессора математики из Падуи относительно небесного устройства получили огласку, церковь запретила ему высказываться на эту тему, и самое знаменитое своё сочинение «Диалог о двух главнейших системах мира – птолемеевой и коперниковой» он написал по личному разрешению Папы Урбана VIII. Кардинал Барберини до своего избрания главой католической церкви с симпатией относился к астрономическим изысканиям ученого и позволил ему прервать обет молчания с условием, что автор сохранит беспристрастность. Сопоставление двух моделей ведется Галилеем в форме беседы трёх венецианских патрициев. Сальвиати защищает систему Коперника, Симпличио представляет традиционную версию. Третьему участнику беседы отводится роль арбитра. Под влиянием доводов Сальвиати он принимает коперниканскую точку зрения. Но у имени есть ещё одно значение: простофиля, дурачок. Более того, Галилей вложил в уста Симпличио фразы, которые он слышал от Папы. Реакцию Урбана на все предприятие предугадать нетрудно.

В год казни Бруно Галилею было 36. В год публикации «диалога» ему исполнилось 68 – возраст более чем зрелый. Он не мог не понимать, по чьим следам идёт и каковы ставки в той игре, что он затеял.

Во всяком случае, суд над Галилеем превратился в метафору непримиримости между научным натурализмом и библейским буквализмом.

Знакомство с трудами Галилея и разумность его аргументов побудили Ньютона отказаться от идеи импульса и устранить «перводвигатель» из своей теории. Классическая механика, возникшая благодаря личной религиозности своего создателя, вопреки авторским устремлениям открыла перспективу ограничения мироустроительных функций бога ролью дизайнера или Часовщика. Эту потенцию ньютонианской науки подхватили деисты века Просвещения. «Я, – пишет Кант, – объяснил великий порядок природы только силой притяжения и силой отталкивания – двумя силами, – которые одинаково достоверны, одинаково просты и вместе с тем одинаково первичны и всеобщи. Обе они заимствованы мной из философии Ньютона. ... На столь простых основаниях я совершенно естественно строю всю свою последующую систему, не делая никаких выводов, которые не мог бы сделать каждый внимательный читатель» [1, с. 131].

В Великобритании установка на взаимную независимость науки и религии в соединении с эмпирическими традициями Оксбриджа породила религиозный скептицизм, который с конца девятнадцатого столетия стал восприниматься чуть ли не как национальная черта британского характера. «Когда я был студентом в 60-е годы, атаки на религию по большей части происходили на политической почве, – говорит Денис Александер, бывший директор Фарадеевского Института науки и религии, – и тогда считалось, что она защищает капитализм и богатых». В образованных кругах религия рассматривалась как нечто ошибочное, но не настолько значимое, чтобы об этом волноваться. В конце концов, мир становился все более светским, и можно было надеяться, что с ростом просвещения и благосостояния религия и креационизм естественным образом отойдут на покой.

Однако принцип креационизма сдаваться и не собирался. Он, казалось, обрел новую экспериментальную базу в генетике и своё метафизическое оправдание в учении о творческой эволюции. Во второй половине 20-го столетия его прибежищем становится физика микро- и мегамира. Теории расширяющейся вселенной и Большого взрыва вступили в созвучие с мгновением творения в космологии. Неопределенность, которую квантовая физика открыла на уровне элементарных частиц, перевернула вверх дном всю ньютонианскую механику и создала новые пространства для научного поиска. Но там, где одни увидели призыв к разработке новых моделей универсума [4, p. 137–147], другие узрели знак божественного присутствия в мире, знак того, что в самых фундаментальных вопросах бытия знания опираются веру.

Ещё одним очагом столкновений приверженцев традиции со сторонниками научной рациональности сделались биологические науки. Магниторезонансные томографы и успехи нейрохирургии привели к обнаружению конкретных механизмов зависимости психики и состояния духа от биологических процессов. Выращивание младенцев в пробирках, клонирование, эксперименты со стволовыми клетками и гибридами между людьми и животными создали новые поля битв между теми, для кого эмбрион от зачатия является личностью, и теми, кто воспринимает его как кластер клеток вплоть до акта рождения. Но, как и в физике, обе партии соотносили идею бога с очень изощренными областями познания, доступными только специалистам.

На таком идейном фоне всплеск религиозного фанатизма по всему миру в конце двадцатого века явился неожиданностью.

Подъем христианского фундаментализма в Британии за последние десятилетия – религиозный смысл слова «фундаменталист» добавлен в оксфордский словарь английского языка лишь в 1989 – привел к тому, что либеральное христианство, склонное к небуквальному прочтению Завета, начало терять почву. Стало очевидно, что оно не отвечает широко распространенным ожиданиям [3, pp. 104–106]*.

1. Кант, И. Всеобщая естественная история и теория неба // Сочинения. В 6 т. Т. I. М.: Мысль, 1963.

2. Beattie, T. The New Atheists: the Twilight of Reason and the War on Religion. N.Y.: Orbis Books, 2008.

3. Buggini, J. Atheism. A Very Short Introduction. Oxford. Oxford University Press, 2003.

4. Laszlo, E. The New Holism: the Grand Prospect for Science and Society // World Futures, no. 58, 2002.

5. Smedes, T.A. Faith and Belief // Encyclopedia of Sciences and Religions. Azari N. P., Runehov A.L.C., Oviedo L. (eds.). Dordrecht. Springer Science+Business Media, 2013, P. 843–845.

6. The Alpha Course – an Example of Church Growth through Enthusiasts: John Hayward [Электронный ресурс]. URL: http://www.churchmodel.org.uk (дата обращения: 12.09.2014).

References

1. Kant, I. (1963) Vseobshchaya yestestvennaya istoriya i teoriya neba [Universal Natural History and Theory of the Heavens] // Sochineniya. V 6 t. T. I. M.: Mysl'.

2. Beattie, T. (2008) The New Atheists: the Twilight of Reason and the War on Religion. N.Y.: Orbis Books.

3. Buggini, J. (2003) Atheism. A Very Short Introduction. Oxford. Oxford University Press.

4. Laszlo, E. (2002) The New Holism: the Grand Prospect for Science and Society // World Futures, no. 58.

5. Smedes, T.A. (2013) Faith and Belief // Encyclopedia of Sciences and Religions. Azari N. P., Runehov A.L.C., Oviedo L. (eds.). Dordrecht. Springer Science+Business Media, 843–845.

6. The Alpha Course – an Example of Church Growth through Enthusiasts: John Hayward Available at: http://www.churchmodel.org.uk (accessed: 12.09.2014).

UDC 101.2; 130.2; 211

SHALL WE STUDY CREATIONISM, OR SOME REMARKS ON THE WESTERN EXPERIENCE. PART I

Shreyber Viktor Konstantinovich,
Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department
Chair of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: shreiber@csu.ru

Annotation
Recently, there have been heard cautious offers to introduce the teaching of ideas of Genesis into school curricula to let pupils get training in critical thinking. The analysis of this proposal starts from specification of meanings of "faith", "belief" and "knowledge". Then the author suggests a review of logical relations between the concepts of faith and knowledge and shows that all possible variants have real conceptual equivalents in modern culture. So, this case and the rise of religious fundamentalism put under question the Enlightenment's expectancies that religious outlook will pass away under the influence of scientific and technological progress.

Key concepts:
belief,
faith,
knowledge,
the Enlightenment,
religious fundamentalism.

*Начало. Продолжение читайте в № 4(54)2015, август 2015 г.